

Представьте: смотрите по телевизору репортаж с хоккейного матча за рубежом, и надписи на футболках канадских и американских хоккеистов – на русском языке. Представили? Или это представить невозможно? У нас ведь в российской, континентальной хоккейной лиге надписи на спинах российских хоккеистов – на английском языке. Если подзабыл английский, не сразу и прочтёшь фамилию: то ли Муишкин, то ли Мушкин, то ли Мишкин, то ли Мышкин. Без перевода комментатора не обойтись. Нашим хоккеистам (не без подсказки руководства) хочется попасть на глаза заморским селекционерам и в мировой хоккейный драфт? Или это для удобства иностранных зрителей? Или для придания значимости, весомости нашим спортсменам в глазах остального мира? Правда, к примеру, советские хоккеисты не нуждались в иностранных надписях на спинах, их знали за рубежом по отменной игре и мечтали заполучить в свои клубы.

Да что хоккейная форма! Множество теннисок, футболок, кепи на наших улицах видишь с англоязычными лозунгами и эмблемами. Потому что буквицы – импортные, иностранные? Согласно подобной логике, французы и англичане носят футболки на русском языке, тоже для них экзотика, да и за граница, так? Очень-очень вряд ли... Латиница смотрится интереснее кириллицы? С чего бы? И вот пример: постарались немцы, давным-давно, со своим скромным алфавитом – и получили изысканный, затейливый готический шрифт. Кстати, в кириллице есть немало графически интересных букв, каких нет в латинице. В любой букве можно увидеть красоту – и подчеркнуть её. Если есть желание увидеть. А, между прочим, у нас развита текстильная промышленность, и дизайнеры есть, и русский язык эти дизайнеры знают, в российских школах учились – и что? Желания нет? Родной язык теперь не в чести?

В кафе с утра до вечера – вроде бы и ненавязчивая, негромкая музыка, чтоб не отвлекать посетителей от тарелок, бокалов и разговоров, – но англосаксонская, англоязычная, как в английских пабах; зайдёшь в супермаркет – то же!

Блистательны, хороши на загляденье наши фигуристки и пары на льду. Сколько таланта, сколько изматывающих тренировок, сколько нервов и сил надо вложить им в победу страны, чтобы подняться на пьедестал и спеть или хотя бы прошептать наш гимн. И сопровождает их выступления музыка динамичная, оригинально и разнообразно аранжированная, «сделанная» настоящими профессионалами, – музыка, к великому сожалению, не наша, чужая, чаще англосаксонская. Потому что среди нашей современной музыки, невнятной, невразумительной, бесцветной, выбрать нечего.

В России давно перестали сочинять интересную, живую, достойную музыку. Конечно, речь не о симфонических концертах, а о музыке, понятной большинству из нас – эстрадной, о песне, которая «строить и жить помогает», а заодно гордиться родной страной, её культурой, но теперь умирает за ненадобностью.

Говорили: у России две беды – дороги и дураки. Дороги стали лучше, дураков, готовых платить за дрянные дороги, поубавилось. Третья беда объявилась, пошла трещинами, прикрытая глазурно-гламурной плесенью, – творчество российской эстрады.

В гибкости нашей эстраде не откажешь: в советское время её «звёзды» были совсем не прочь явить своё искусство, скажем, делегатам съезда комсомола или партактиву страны, наперегонки спешили. Но держали нос по ветру и, почуяв, откуда дует ветер, чуть ли не скопом переметнулись на плакат «Голосуй сердцем!». За гнивого кандидата, взывавшего: «Боже, благослови Америку!». Политические убеждения и всякие там принципы у эстрадных артистов очень гибкие. Зато иерархическая вертикаль эстрады – жёстче, чем была даже властная вертикаль ЦК партии. Особенно на женской половине. Если уж есть примадонна, то рядом – только ближний круг своих да наших, любезников на подпевке, тех, кто посягнуть не посмеет, а дальше – словно вытаскивают аллозавры.

Стоило композитору Морозову похвалить одну певицу и заявить в телестудии, что она благодаря своему песенному дарованию очень скоро встанет вровень с «примадонной» – композитор стал редким гостем на телевидении, а о многообещающей певице и говорить излишне – о ней перестали даже вспоминать. Других певиц, по их словам, тоже теснили с эстрады, чтобы ненароком не заслонили своим талантом «самую звёздную» на сцене. И куда-то надолго пропали тогда известные композиторы, которые сами исполняли свои песни, но не спешили или не собирались сочинять для «примадонны». На нашей эстраде формировался закрытый междусобойчик. Критического отношения к звучащему со сцены, переполненной шансоном, уже не было, как не было и должной конкуренции.

И месяцами звучала у нас «Шарманка», в которой угадываются, сплетаются обрывки давних шансонно – ресторанных мелодий, а в «Акапулько» вдруг звучит мотив припева из «Самары-городка». Вряд ли авторы шли на плагиат, но пропущенная «похожесть» – не свидетельство ли непозволительной небрежности? Может быть, потому итальянская опера и процветала, что кроме благоуханных цветов на сцену, случалось, бросали и гнилые помидоры? А у российской эстрады давно нет серьёзных критиков, – то ли вымерли, то ли им начхать.

Бухтели: нет свободы самовыражения! Но объявили свободу, – ни критики, ни цензуры, твори, дерзай! И как самовыразились? Прежде не пели на нашей эстраде по-английски, не полагалось, теперь оптом и в розницу запели чужим голосом, – не оттого ли, что своего-то, настоящего голоса, на самом деле и не было? Из кожи вон лезут, кривляясь на дефектном, ломаном английском. В надежде, что позовут работать в какой-нибудь

американский кабак? Но ведь это ж надо вначале перевести с английского, понять чужие слова, отработать в присутствии педагога-педагогичка произношение, и потом только разучить и запеть – морока! Однако за какой надобностью вообще нашей эстраде подобные эрзац-англичане? Не лучше ль нанять обыкновенных уличных музыкантов, скажем, из Австралии или из любой бывшей Британской колонии – уж они-то «по-англицки» споют и правильнее, и чище. Да и дешевле обойдётся!

И ладно бы взрослые, хотя явный перебор, так ещё и дети на сцене, которых называют нашей музыкальной сменой, нашей надеждой, всю тянут неокрепшими голосочками что-нибудь английское. Под похвалы, аплодисменты вальжного жюри. Повальная англоманья?

Наша эстрадная самонаречённая «элита» уверена: кто-кто, а публика её со сцены не столкнёт, мнению публики – дело последнее, лишь бы не забывали своей милостью благотворители, спонсоры-покровители. И шоу продолжится. Разве не интригующе смотрится болото, присыпанное блёстками, конфетти и нафталиновой перхотью, зато в окружении софитов? Всё увидите на нашей эстраде: оптические эффекты, визуальные фокусы, инсталляции, разноцветные перья, канкан, танцы едва одетых див, клоунату, шапито, натужно счастливые гримасы артистов и юмористов, – чего ещё пожелаете? Услышите хохмы, шутки-прибаутки, возбуждённо радостные возгласы участников, шарады-маскарады: угадай, кто из наших спел? Не услышите лишь самого главного, самого ценного – новой впечатляющей музыки, песен, про которые подумаешь – а это и правда откровение, или воскликнешь – вот то, чего мы так ждали. А чего хотите: шоу-бизнес, шоу и «бабло», а рисковать деньгами ради поиска, ради собственных новых интересных песен – зачем? Есть чужеземное...

Способно ли государство содействовать творческому прорыву в музыке? Да, и ещё как. Пример из истории. В память о подвиге моряков «Варяга» и «Корейца» российским императором был объявлен в 1904 г. конкурс на сочинение торжественной песни или марша. Участвовал в конкурсе и 16-летний капельмейстер драгунского полка (вероятно, с совсем небольшим военным оркестром) Алексей Турицев. В государстве, где чтит «Табель о рангах», к авторитетному, ответственному конкурсу наряду со знаменитыми композиторами, с маститыми музыкантами, наверно, даже и с академиками, был допущен паренёк в возрасте девятиклассника, мальчишка! Можете представить такое в наше время? Юный композитор победил в творческом состязании у десятков конкурсантов. Благодаря ему – и государственному конкурсу! – родилась трагическая, но жизнеутверждающая, великая песня, исполненная бравой отваги и мужественного достоинства, – песня «Варяг».

Так бывало прежде. А нынче? Государство, ау! Именинников в России – и ходящих под стол карапузов, и пожилых пенсионеров – поздравляют английской песенкой: «Happy birthday to you!», иногда в переводе, а часто и без. К чужому языку уже привыкли, – приучили. Вопрос: а сочинить в огромной стране свою величальную песенку к дням рождения почти 150 миллионов российских граждан – слабо?

Не странно ли: допекая Россию всевозможными санкциями, в употреблении англосаксонской культуры (и музыкальной, и иной) её не ограничивают? Даже в нашей рекламе звучит их музыка. Говорим о патриотизме? А разве он воспитывается приучением, привыканием к чужому? Историки подмечают: при вторжении Наполеона российская дворянская элита, которая «русский Н как N французский произносить умела в нос», поначалу совсем не горела желанием самоотверженно биться с завоевателями. Мол, ну как же так, мы же к французскому со всем почтением, и язык французский любим не менее своего, а то и боле, и к месту и не к месту словечко ввернём французское, и на балу, и за обедом, и вообще, а моды уж точно предпочтём из Парижа, и шляпки, и панталоны и всякое прочее. И как же тогда французы, такие любезные, такие галантные, зная наше к ним отношение, – и пойдут на нас? Нет,

Нет, это недоразумение, надо просто всё уладить, как-то договориться! Протрезветь, спохватиться вынудило сами оккупанты.

Кто-то из иностранцев написал о «Битлз»: они пробили брешь в крепости Советского Союза лучше любой армии. Пожалуй, верно. И безо всякого насилия, просто завоевав симпатии молодёжи. Всего-то – музыка да чужой язык. Так вот...

Аборигены многое отдавали за бусы колонизаторов, но возле костра пели всё-таки свои песни, на своём языке. Гордые они были, эти аборигены.

А ведь есть в стране музыкальные училища, консерватории, факультеты, кафедры композиции и инструментовки, композиторские отделения с выпускниками-композиторами при дипломах, есть Союз композиторов России, есть Министерство культуры России, есть Комитет по культуре при Госдуме, – ох, сколько у нас есть всего такого солидного, авторитетного, незыблемого! Только давным-давно нет музыки, достойной огромной страны, России. Где вы, творцы-чародеи завораживающих мелодий и «кураторы» музыкальной культуры? Слушаете ли радио, ходите ли в кафе и супермаркеты, смотрите ли фигурное катание? Не сжимаются ли при этом ваши культурно-министерские, депутатские и богемно-творческие сердца? От досады, от горечи, от стыда – за то, что музыка, звучащая вокруг и в наших домах, не наша, что песни эти звучат не на родном нам языке и сочинены не нами, – а мы, получается, уже совсем неспособны, можем только косточки подгрести возле чужих столов?

Кому же задать традиционный первый вопрос российской истории – «Кто виноват?» Не вам ли? У вас всё распрекрасно, и в отчётах, и в разговорном жанре, в возвышенных речах, – и никаких к вам претензий? А, может быть, нелишне слегка и деликатно встряхнуть ваши славные организации? И оценивать сотрудников не за то, что они уже давно в штате, а по эффективности, по реальной отдаче, как это принято на обычных предприятиях и в сфере созидания? Отделять зёрна от шелухи, от плевел?

Второй традиционный русский вопрос: «Что делать?».

Что же можно предложить?

Помнится, говорили у нас о футболе: надо клубам нанимать побольше иностранных игроков мирового класса, тогда остальные, то есть наши, глядя и соперничая, подтянутся. Набрали, купили. Получилось? Не случилось. Поэтому не лишне, например, ввести на эстраде, на радио, на ТВ квоты на исполнение иностранных песен, и эти квоты неуклонно уменьшать. А в рекламе по возможности вообще исключить. Вот тогда придётся самим напрячься и зашевелиться. Например, два раза в год по всем регионам проводить композиторские конкурсы (и среди профессионалов, и среди самодеятельности): 3 месяца – на поиск интересных композиций, полмесяца – прослушивание, оценка, предложения; 1,5 месяца – на аранжировку и репетиции; в конце полугодия – финал на центральном телевидении. Объявлять не только сочинивших мелодию, но обязательно и талантливых аранжировщиков как соавторов. Тогда будет интерес со всех сторон. Поощрять композиторские тандемы, ансамбли, соединение разных вкусов и стилей. Огромных денег от государства на награды, пожалуй, не понадобится, особенно для молодых авторов, им важнее слава, чтоб заметили, дали дорогу вперёд. Значит, для начала надо победителей, лауреатов «крутить» на радиостанциях, обязать студии.

Новая музыка для кинофильмов, мультфильмов, научно-познавательных программ и вообще любая, не привязанная ни к чему, просто оригинальная, хотя бы любопытная, тоже имеет право и должна участвовать в разных конкурсах. *Как и при исполнении классической музыки, вначале надо называть автора, и только потом – исполнителя. Ведь исполнители, в отличие от автора, могут меняться. (А у нас часто авторы музыки, песен упоминаются лишь в конце – бегущей строкой.)*

Надо терпеть известных композиторов, «отошедших от дел», периферически, на телекамеру спрашивать: что новое вы сочинили в этом году, маэстро? Да, наверно, им не захочется рисковать завоеванной, пьедестальной репутацией, безопаснее поживать на увядающих лаврах, – и, действительно, очень трудно вернуть прежний азарт, кураж, вдохновение. Но вдруг что-то незавершённое осталось в столе, в загорелой записке? Остались давние мечты, надежды, планы? Может, всё-таки усталые композиторы, когда-то познавшие славу, – хотя бы из самолюбия и ради своей страны, – тряхнут стариной, дерзнут ещё разок? Случится неудача – что ж, слушатель поймёт, не осудит, посочувствует, неудач обычно больше, чем удач, спасибо хотя бы за попытку. А вдруг да удача?

Так, с нашего мира по нитке жемчужной, по таланту, по находке, – и появятся у нас новые, свои, замечательные песни и для именинников, и к Новому году, и к праздникам, и марши, и гимны, и завораживающие, гипнотические ритмы, и зажигательные танцевальные мелодии, и простые песни про разное, просто хорошая музыка, для больших и маленьких.

А на будущее – и ради будущего – необходимо в наших школах много больше внимания уделять воспитанию культурой. И не одними лекциями, разговорами о прекрасном, но больше занятиями практическими, обучением игре на музыкальных инструментах, организацией школьных струнных и духовых оркестров, а заодно намного серьёзнее – живописью и ваянием, местными народными промыслами, другими искусствами. Финансов и усилий это потребует немалых, но окупится многократно. Не только песнями, но и вообще народным творчеством и культурным обновлением общества.

Современная музыка страны – вопрос национального самоуважения, а значит, вопрос государственный. Удастся ли этой, пока только ожидаемой, нашей музыке стать ещё и желанной, востребованной в мире, стать – извините за экономический термин – «экспортруемой», как музыка англосаксонская, латиноамериканская, итальянская? Дело не в валюте, дело в престиже. Есть ли у нас шансы, – или сразу лапки опустить?

Напомним себе: у Англии не было особо заметной классической музыки, и композиторов выдающихся не было (кроме, разве что Генделя – да и того немца по происхождению). Но вот ведь ворвались англичане в 20-ом веке в мировую музыку, благодаря нескольким фанатично увлечённым талантливым энтузиастам, и теперь прочно наверху. А за спиной России осталась, как величавые крылья, большая, любимая в мире музыкальная классика, были ещё Серебряный век русского романса, были яркие народные песни (и не зря очарованный ими аранжировщик Поль Мориа, иностранец, создал, – в отличие от наших равнодушных музыкантов, – замечательное попурри на тему русских народных песен). У России есть, кроме русской, множество оригинальных, неповторимых музыкальных культур разных её народов.

И что, Россия не сумеет повторить музыкальный подвиг итальянского Сан Ремо?

Возможно, прозвучавшие здесь предложения – дилетантские, в чём-то наивны. Что ж, пусть другие предложат иные варианты или что-то добавят. А лучше пусть, наконец, выскажутся, объяснят своё видение и решение проблемы те, от кого многое зависит в нашей музыке, – зависит, но ни на йоту не продвигается, а наоборот, скатывается в яму.

Есть надежда: враждебная изоляция России в итоге пойдёт стране на пользу, побудит с азартом – или поневоле – энергичнее использовать собственные ресурсы, становиться самой собой и самодостаточной. Наша культура очнётся, выйдет, наконец, из окостенелого забвения. И артисты российской эстрады будут вдохновенно, самозабвенно, с наслаждением и гордостью исполнять наши новые песни – а не старательно разучивать и перепевать чужое.

08.11.2022 г.